

Глава 5

Дэн Чжи выпрямилась. Скрежетнув суставами, она поправила кости, а затем подошла к телу Эрдифа и одним точным движением вспоролла его одежду.

Ткань разошлась, обнажив живот директора. Там, под кожей, всё еще пульсировали две железы, поддерживаемые в жизни за счет чужеродного кровотока. Эрдиф насильно вшил их себе, заставляя подвластных ему рабочих F-ранга с исцеляющими способностями ежедневно лечить его, подавляя реакцию отторжения.

Девушка мгновенно ощутила свою собственную железу. Она вонзила острые фаланги пальцев в живот мертвеца и рывком извлекла её. Скрывая отвращение, она спрятала добычу между челюстными костями — сейчас у нее не было плоти, где её можно было бы хранить.

К счастью, железа была еще жива. Стоило ей вернуться к истинной хозяйке, как Дэн Чжи почувствовала, что её информационная эссенция стала заметно гуще.

Вторая же железа, оставшаяся в распоротом животе Эрдифа, начала медленно затухать. Наконец она окончательно умерла, последовав за своим настоящим владельцем.

Безумный Клоун вытер кровь с губ и поддержал Ланса, которого била дрожь от тяжелого приступа диссонанса информационной эссенции.

— Поздравляю, маленький господин, — он криво усмехнулся, — ваш разум не был окончательно осквернен. Глава гильдии будет просто в восторге.

Ланс, бледный как полотно, прижимал ладонь к железе.

— Обойдемся без восторгов. Передай отцу: я намерен слечь с небольшой болезнью. Скажем, тысяч на двадцать.

Собеседник уже приготовился съязвить в ответ, но в этот миг над трупом вспыхнуло трехмерное золотое сияние. Словно включился голографический проектор, и в воздухе возник образ молодого Эрдифа.

Его лицо было искажено напряжением, по мертвенно-бледным вискам катился холодный пот. Казалось, он подчиняется чьему-то приказу. Глядя прямо перед собой, проекция отчетливо произнесла:

— Я знаю, что Война по подавлению мятежа в Столичном городе была ложью от начала до конца. Это была тщательно спланированная резня.

С последним словом сияние погасло.

Клоун, услышав это, мгновенно изменился в лице.

— Что такое? — прерывисто спросил Ланс.

Он мало что знал о той войне — семья, казалось, намеренно ограждала его от этой страницы истории. Когда они разрабатывали план и юноша узнал, что Эрдиф отличился в тех сражениях, он как-то раз вскользь спросил об этом отца. Лао Лань тогда помрачнел, выругался и поспешил уйти, словно случайно наступил в дерьмо.

Мужчина в маске пристально посмотрел на него:

— Маленький господин, похоже, вы влипли. Теперь вам так просто не уйти.

Ланс вскинул брови.

— Ты слышал, что сказал этот мертвец? — спросил Клоун.

Юноша слышал, но у него совершенно не осталось сил на раздумья.

— Это способность S-ранга типа «Контроль» — [Проклятие смертельной клятвы], — пояснил собеседник. — Тот, кто связан такой клятвой, не может выдать тайну при жизни. Но стоит носителю умереть — заклятие теряет силу, и мертвец произносит истину. Если секрет знают несколько человек, каждый из них после смерти выдает лишь свою часть. Так тот, кто наложил заклятие, узнает, чья именно смерть стала причиной утечки и какая именно часть тайны раскрыта.

— И что из этого следует?

— Победители в той войне сегодня занимают высшие посты в Федеральном правительстве. Общество Чёрного Фонаря пока не горит желанием ввязываться в такие крупные неприятности.

Дэн Чжи, внимательно следившая за движениями их губ, уловила суть разговора. Она приподняла костяную руку, но тут же бессильно опустила её, а затем повторила жест снова. Она и не догадывалась, какую опасную тайну скрывал Эрдиф. Если бы не она, Ланс не оказался бы втянут в это дело.

Клоун развел руками:

— Придется вам, маленький господин, на время вернуться в университет и прикинуться прилежным студентом. Нужно переждать, пока затихнет интерес Федерального правительства.

Студент промолчал.

Из-за строгих проверок в Университете Синчжоу ему пришлось использовать свое настоящее лицо при сдаче экзаменов и регистрации. Если он внезапно исчезнет сразу после загадочной смерти Эрдифа, то неизбежно станет главным подозреваемым.

Мужчина был прав: ему придется вернуться.

Но в его нынешнем состоянии он точно не сможет безупречно играть роль перед новыми соседями по комнате.

Ланс решил одолжить у Дэн Чжи ядовитое насекомое. Он планировал отравить соседа до полусмерти, чтобы получить законное право единолично распоряжаться комнатой.

Стоило ему об этом заикнуться, как девушка выразила готовность отдать ему всех своих подопечных. Она протянула ладонь, на которой копошились самые причудливые жуки. Она не могла говорить, но насекомые, послушно выстроившиеся в ряд, передавали всю глубину её признательности.

Юноша выбрал крошечного белого жучка, размером в половину ногтя мизинца. Тот напоминал божью коровку, но на его панцире не было пятен.

Это был Мотылёк Эжун. Его яд был чрезвычайно опасен и практически не поддавался обнаружению, а симптомы отравления имитировали острый миокардит. Столь скрытное оружие позволяло Лансу легко отвести от себя любые подозрения.

Единственным недостатком Мотылька Эжун был его яркий белый цвет. Чтобы отравить кого-то незаметно, требовалась немалая сноровка.

Ланс посадил насекомое на воротник. Жучку, похоже, пришелся по вкусу аромат звёздной магнолии, исходивший от юноши; он подполз поближе к железе и замер.

Дэн Чжи приказала насекомому во всём подчиняться новому хозяину. Лишь после этого она повернулась к Клоуну и, коснувшись костяными пальцами его рукава, начала старательно жестикулировать:

— Где... моя... мама?

То, что Общество Чёрного Фонаря нашло её обугленные останки, было заслугой её матери.

Девушке было трудно представить, как эта глухонемая, вечно запуганная женщина смогла связаться с самой пугающей тайной организацией. Теперь, когда месть свершилась, она отчаянно хотела её увидеть.

Мужчина в слабом свете ламп с трудом разобрал знаки. Он на мгновение замолчал. Ему хотелось, как обычно, растянуть губы в шутовской ухмылке и отпустить какую-нибудь острогу, но на этот раз не вышло. Вместо этого он отломил кусок льда и приложил его к пылающей железе Ланса, сделав вид, что не понял вопроса.

Однако в затянувшемся молчании Клоуна Дэн Чжи прочитала ответ. Её пустые глазницы замерли, уставившись на него — ей требовалось время, чтобы осознать эту правду.

Юноша туго повязал шелковую ленту вокруг исцарапанной шеи, чтобы остановить кровь, и проглотил две таблетки стабилизатора. Превозмогая лихорадочный жар, он бросил собеседнику:

— Отведи её.

У всего есть своя цена, и даже обладатели S-ранга не всегда получают желаемое. Тем более что Общество Чёрного Фонаря не было обязано заботиться о чувствах своих нанимателей.

— О себе бы лучше подумал, — огрызнулся тот.

Человеческие препараты не могли полностью подавить последствия, вызванные влиянием Внешнего бога. Лансу еще предстояло долго бороться с диссонансом информационной эссенции.

И всё же Клоун сделал исключение. Он отделил часть своей души и закрепил её на тени Дэн Чжи. У него уже была заготовлена точка якоря у главной трибуны Университета Синчжоу — там он планировал бросить труп Эрдифа. Теперь это пришлось как нельзя кстати.

***

Когда Дэн Чжи оказалась на площади, ростовая кукла одиноко лежала в луже. Дождь безнадежно испортил заводной механизм.

Призвав остатки своей силы, девушка легко разорвала намокшую ткань костюма, обнажив скрытую внутри маленькую согбенную фигуру. Ей было трудно представить, как такое немощное тело могло выносить тяжесть огромной куклы.

Костяными пальцами она осторожно отвела прилипшие к лицу седые волосы. Она смотрела на мать, стараясь запомнить каждую черту.

Узнав в Подземелье о её смерти, Дэн Чжи не плакала. Она чувствовала лишь пустоту, гнев и горечь. Чтобы сбежать из семьи, она подала документы в самый далекий университет. Она оставила всё прошлое позади, свято веря словам из одной статьи: «Миссия S-ранга — всегда идти вверх, не оглядываясь на старые привязанности».

Она не видела это лицо два года.

***

Дэн Чжи ясно помнила день, когда впервые осознала, как выглядит её мать. Ей было пять лет. Отец тогда нанялся рабочим на рынке найма и смог попасть в Подземелье в составе крупной гильдии — добывать кристаллическую руду в обмен на припасы.

Вернувшись, он без умолку хвастался перед братьями мощью великих гильдий. В разгаре рассказа он одним глотком осушил чарку вина, чувствуя себя причастным к их триумфу. Дэн Чжи стояла у двери. Она не понимала слов, но заражалась его возбуждением. А потом она обернулась и увидела маму: та, согнувшись, случайно выронила сковороду.

Женщина, чьё тело было изуродовано, давно стала глухонемой и не услышала звука падения.

Отец подскочил к ней и наотмашь ударил по лицу.

Дэн Чжи увидела это лицо — уродливое, искаженное, пугающее. Позже она сидела на маленькой скамеечке и ела за общим столом вместе с отцом и дядьями. Родной же человек забился в угол у печи, и её крошечная фигурка словно растворилась в тени. Тогда девочка не видела в этом ничего странного.

В семь лет в школе ей рассказали про День матери. Учительница говорила, что в этот день дети должны дарить подарки. Подарок — странная вещь, он способен пробудить чувства, о которых и не подозреваешь.

В тот день Дэн Чжи пошла на рынок и выменяла свой обед на розовую заколку-бабочку. Она отдала её маме и увидела слезы, робкую улыбку и поступок, который тогда не смогла понять. Женщина впервые подошла к зеркалу, нацепила заколку и долго-долго её поправляла.

Девочка хотела сказать, что это бесполезно — украшение не сделает ту менее странной или уродливой. Но вместо этого она произнесла свою первую ложь:

— Тебе идет. Красиво.

Позже отец где-то услышал, что Альфы мужского пола имеют больше шансов пробудить высокий ранг. Он начал одержимо искать способы завести наследника, но не с женой — он говорил, что один вид её лица вызывает у него тошноту. Дэн Чжи не спорила: прохожие часто

пугались мамы, поэтому та почти не выходила из дома.

В десять лет Дэн Чжи случайно оказалась в гостях у одноклассницы. Она забыла причину того визита, но навсегда запомнила увиденное. Мать подруги сидела за общим столом и смеялась вместе со всеми.

Девочка тогда удивленно спросила: «Почему? Почему она не ест в углу у печи?» Подруга ответила, что так и должно быть. Что так живут все нормальные люди. Дэн Чжи тогда лишь прошептала: «Вот оно как...» Именно тогда она осознала — в её доме всё было неправильно.

Тем вечером ей нестерпимо захотелось разрубить тот длинный стол, и она взялась за топор. Отец в ярости хотел ударить её, но, увидев оружие в её руках, не посмел.

В шестнадцать лет её сверстники один за другим пробуждали свои атрибуты, а она всё еще была никем. Кто-то шептался, что её железа, должно быть, была повреждена еще в детстве. Лишь тогда, расспросив людей, она узнала правду.

Оказалось, когда ей было три года, рядом с их домом внезапно открылось Подземелье. Власти еще не успели взять его под контроль. Дэн Чжи каким-то образом забрела внутрь. Она не помнила, что там произошло, знала лишь, что гильдии не спешили на помощь. Отец уже решил оставить её там, но мать, у которой не было способностей, сама бросилась в разлом.

В школе учили, что излучение Подземелий смертельно для обычных людей. Оказалось, женщина не всегда была такой уродливой.

В тот день, когда она вернулась, отец наконец-то дождался рождения сына. Он был на седьмом небе от счастья, и маме впервые досталась целая куриная ножка. Она с детским восторгом обнимала свою миску и осторожно, волокно за волокном, отщипывала мясо, смешивая его с кашей.

Пришедшие поздравить отца друзья, увидев во дворе женщину на её маленькой скамеечке, просто так, забавы ради, зачерпнули горсть песка и бросили ей в миску.

— Ишь, курицу она ест!

Они хохотали, довольные своей шуткой. Мама, прижимая еду к груди, зашлась в беззвучном плаче, из её горла вырывался лишь глухой, хриплый стон. Она действительно очень дорожила этой курицей.

Дэн Чжи смотрела, как её преждевременно поседевшая мать пытается выскрести из песка кусочки мяса, а слезы одна за другой падают в миску. В тот миг девушка ощутила, как всё вокруг пропиталось мерзостью. Это чувство было настолько невыносимым, что она взяла топор. Она перерезала им глотки — одному за другим, словно забивала скот. Она сдирала с них

плоть и смешивала её с песком.

Она думала: раз отец так дорожил своими братьями, раз они так любили сидеть за одним столом — пусть теперь они будут вместе вечно. В песке.

Она безучастно смотрела на кровавые останки, гадая, как от них избавиться. И тогда со всех сторон хлынули мириады насекомых. Они облепили тела, пожирая всё до последней капли. Она пробудилась. S-ранг.

В день отъезда в Университет Синчжоу мама осторожно выглянула из-за ворот. Дэн Чжи заметила на её голове ту самую розовую заколку. С высоты своего возраста девушка видела, какой безвкусной и старомодной она была. Но мама искренне верила, что дочери она нравится. Она отчаянно жестикулировала, спрашивая, когда та вернется.

Она не ответила. Она знала, что не вернется. Она должна была обрубить все связи и начать свою жизнь. Её сердце было холодным. Даже Эрдиф, который её «ценил», говорил так.

***

Дождь и не думал стихать. Вода смыла грязь с заколки, обнажив её ярко-розовый цвет.

Безвкусно? Старомодно?

Это больше не имело значения.

Дэн Чжи вдруг поняла, что никогда и ни в ком не нуждалась так сильно, как в этой женщине. Ей хотелось спросить: было ли ей страшно перед смертью? Плакала ли она от боли? Успела ли она в этот раз съесть свою курицу?

Эта крошечная, согбенная фигура не была «цепью из прошлого». Она была самим её истоком. Вместе с этой проклятой землей Дэн Чжи отсекала от себя бесконечную, неисчерпаемую любовь.

С сегодняшнего дня больше никто не спросит её, когда она вернется домой.

Девушка вскинула голову в немом крике, полном невыносимой боли, но лишь ветер со свистом проходил сквозь её костяное горло. Она хотела плакать, но её пустые, высохшие глазницы лишь наполнялись дождевой водой.

Вот каково это — не слышать и не иметь возможности закричать.

— Мама... за что же тебе досталась такая горькая жизнь?

<http://bllate.org/book/15867/1432206>